

Ю. В. Буйнов, В. Н. Окатенко

К вопросу о социальной структуре населения северскодонецкой Лесостепи V—IV вв. до н. е.

алеосоциологические реконструкции древних обществ дописьменного периода уже давно и прочно вошли в археологическую науку, выделившись в специальное направление. Особенно активно оно проявилось в современной скифологии. При этом в настоящее время внимание специалистов не ограничивается изучением общественного строя скифов Северного Причерноморья, но целенаправленно обращено и в сторону различных этнополитических образований в Лесостепной Скифии.

В результате многолетних исследований появилась целая серия научных публикаций и монографий, посвященных данной проблеме. Авторы статьи не ставят перед собой цель провести обстоятельный историографический анализ всех сформулированных в них гипотез и вариантов соответствующих реконструкций. Однако считаем необходимым остановиться на следующих важных моментах и достижениях скифологов разных поколений в решении озвученной проблемы.

В своих палеосоциологических построениях историки и археологи, занимающиеся вопросами общественного строя скифов северопричерноморских степей, имеют возможность использовать в дополнение к археологическим источникам и некоторые сведения античных авторов.

К примеру, Б. Н. Граков опираясь на сведения из «Истории» Геродота и другие более поздние письменные источники, в своей монографии «Скифы» изложил свое видение социальной иерархии в следующем варианте [1, с. 35–36].

Во главе скифского царства («басилэйя» или «архэ») стоял царь («базилевс»). Близко к нему на иерархической лестнице находилась аристократия и скифы-воины (всадники). Далее, основную часть простого скифского населения составляли рядовые общинники с разными уровнями достатка, которые в случае войны оформлялись в объединения общинников-воинов и скифскую пехоту. На самой низкой социальной ступени общества стояли рабы (военнопленные и должники), выполнявшие роль виночерпиев, конюхов, безоружной прислуги и входили в состав царского конвоя. Отдельное место, по мнению Б. Н. Гракова, в социальной структуре скифского общества занимали профессиональные ремесленники, эксплуатируемые аристократами.

Э. А. Грантовский и Д. С. Раевский, исходя из анализа легенд о происхождении скифов, переданных Геродотом, пришли к выводу о трехчастном социальном членении, существующем в общественной организации скифов. Они же уверены в том, что эти номადы в своем развитии достигли уровня сословно-кастовой системы. В итоге, эти исследователи предложили разделить свободных скифов на военную аристократию вместе с царями, жрецов и земледельцев-скотоводов [2; 3].

Неоднократно к вопросу о скифском обществе обращался А. И. Тереножкин. В одной из своих фундаментальных статей [4] он утверждал, что иерархическая лест-

ница состояла из монархов, военачальников, жречества, дружинников, рядовых общинников и зависимых категорий населения (обедневших кочевников, рабов).

Особую позицию по данному вопросу занял М. И. Артамонов [6, с. 56–67]. В отличие от взглядов Б. Н. Гракова, Д. С. Раевского и А. М. Хазанова он считал, что по Геродоту внутренний строй скифов реконструировать почти невозможно из-за малой информативности сведений, содержащихся в его «Истории». Исследователь отмечал, что из этого источника следует только то, что «у скифов были начальствующие и подчиненные, богатые и бедные». Вместе с тем, в тексте его статьи упоминаются скифский царь с чертами восточного монарха, дружинники, родовые и племенные старейшины (родоплеменная аристократия), рабы, наложницы и слуги, близкие по своему положению к рабам.

Разделение скифского общества на три сословия предложил и В. Ф. Генинг. В основу своего исследования он положил археологические источники (данные о подкурганных погребениях). Согласно его выводам, скифское общество состояло из семи социальных прослоек и трех основных сословий — трудовой народ, знать и царская элита [4].

В контексте с темой нашего исследования отметим большой вклад В. Ф. Генинга — знаменитого ученого, заведующего созданным им Отделом теории и методики археологических исследований в Институте археологии АН УССР. Он и его коллеги разработали и реализовали на конкретных материалах специальные и вполне доступные методики исследования погребальных памятников с применением математической статистики [8, с. 111–135; 9, с. 136–184; 10].

Особое внимание обратим на результаты исследования данных о рядовых скифских могильниках, полученные Е. П. Бунятынь с помощью этих новых методик [11, с. 91–101, 125–131]. Согласно ее выводам, мужские погребения отражают их сильную дифференциацию в имущественном отношении и принадлежат четырем разным единицам структуры скифского общества. Первая из них отражает прослойку беднейших рядовых общинников, даже, возможно и категорию частично зависимого населения. Вторая и третья группы из всего массива мужских погребений принадлежат самой многочисленной прослойке рядового населения, общим для которых является обязательное наличие в составе инвентаря предметов вооружения, что отражает ту роль, которую в скифской истории играла война. В этом смысле интерпретация исследовательницы находит полное совпадение с мнением Б. Н. Гракова о рядовом и свободном скифском населении. Как будет показано выше, такие аналогии существуют и в Лесостепной Скифии, а точнее, в ее северскодонецком этнокультурном варианте. Наконец, четвертая группа — это погребения верхушки данной прослойки.

Этими примерами список исследователей, занимавшихся проблемами социального устройства скифов, не исчерпывается. Достаточно вспомнить фундаментальный труд Б. Н. Мозолевского «Толстая Могила», в которой он аргументированно установил иерархию т.н. скифских «царских» курганов [12], статью А. Ю. Алексеяева, посвященную этой же проблеме [13] и др. Вместе с тем следует признать, что, несмотря на многолетние исследования, единства мнений о социальной структуре скифского общества не существует. В равной степени это касается и формы политического устройства Скифии VI—IV вв. до н. э.

Лесостепные курганные могильники, с точки зрения их социологической интерпретации, долгое время не привлекали к себе особого внимания. Только В. Г. Петренко, обобщив все известные до 1967 г. материалы курганов V—III вв. до н. э. Днепро-Днепровского Среднего Приднепровья, в изданном ею Своде археологических источников, в краткой форме затронула вопрос о социальной структуре местного населения указанного периода. В заключении своей монографии она отметила, что значительная часть среднеднепровских подкурганных погребений принадлежала местной знати, представляющей сословие всадников. Отдельно выделяются погребения трудового населения (земледельцы и скотоводы), а также одиночные захоронения рабов [14, с. 57–58].

В середине 80-х гг. прошлого века один из авторов настоящей статьи решился провести опыт обработки данных о погребальном обряде VIII—VI вв. до н. э. для реконструкции социальной структуры в том же регионе с использованием многомерного статистического анализа (факторного и кластерного), реализованного на ЭВМ [15, с. 129—137]. Его результаты были положительно оценены скифологами, что нашло отражение на страницах второго тома фундаментального академического издания «Давня історія України» [16, с. 83]. Всего статистически было выделено шесть социальных категорий — военные предводители (аристократический слой); профессиональные воины (дружинники); жрецы; рядовые общинники разного достатка (земледельцы и скотоводы); слуги; лица, участвующие в обменно-торговых операциях. По прошествии многих лет серьезных отказов от данной модели у автора нет. Отметим лишь то, что выделение последней социальной категории оказалось успешным. Думается, что на археологическом уровне это просто невозможно сделать.

Следуя данному опыту с его положительным результатом, Ю. Н. Бойко провел аналогичное исследование, пользуясь материалами скифского времени из бассейна р. Ворсклы [17]. Уникальным в его работе является то, что он выделил на Восточном укреплении Бельского городища несколько типов усадеб, соответствующих 11 социальным группам ворсклинского региона и связал их с результатами анализа местных погребальных памятников, что значительно повысило объективность всего исследования.

В итоге Ю. Н. Бойко пришел к выводу, что население бассейна р. Ворсклы состоит из трех сословий с внутренней иерархией. Первое сословие принадлежит воинам, включавшим в себя такие социальные группы, как воинская знать, аристократия и всадничество. Название второго сословия автор исследования не дает, но отмечает, что в социально-экономическом отношении оно состоит из двух социальных групп — земледельцев и лиц, тесно связанных с торговлей. С известными оговорками он сопоставляет его с варной древнеиндийских вайшьев. К третьему сословию свободных принадлежали ремесленники и масса простых земледельцев-скотоводов, различающиеся в социальном и имущественном отношении. На низшей ступени общественной иерархии находились рабы (слуги и служанки). Между ними и свободными категориями населения отмечается прослойка ограниченно свободных.

Важно отметить, что социальный состав, характер и структура общественных отношений у населения ворсклинского региона скифского периода дали Ю. Н. Бойко основания для вывода о том, что местный социальный организм по уровню развития достиг раннеклассового общества. В этом отношении его вывод полностью совпадает с точкой зрения Е. П. Бунятян.

Почти 20 лет назад воронежский археолог В. Д. Березуцкий издал небольшую монографию под названием «Курганы скифского времени лесостепного Дона (к реконструкции социальных отношений)» [18].

Применив некоторые методы математической статистики, (графическое представление вариационных рядов, корреляционный анализ), он пришел к очень интересным и хорошо аргументированным выводам в отношении социологической интерпретации подкурганых погребений, имевших элитарный дружинно-аристократический характер. Всего им было выделено пять моделей погребений, соответствующих социальным прослойкам. Судя по полученным данным, модель I отражает наиболее низкую социальную ступень. Модель II демонстрирует более высокую ступень социальной лестницы. Модель III отличается от предыдущей увеличением трудозатратных признаков на сооружение погребальных комплексов. Модель IV, наряду с предыдущим презентует высокую социальную ступеньку иерархической лестницы, занимаемую военными предводителями-аристократами. Важно подчеркнуть, что В. Д. Березуцкий, как и Е. П. Бунятян, для всех этих моделей выделил критерии их социальной значимости и признал общество местных племен скифского периода раннеклассовым обществом.

Востребованными оказались и вопросы палеосоциологических реконструкций в отношении подкурганых захоронений лесостепной части бассейна Северского Донца. Оживленный интерес к нему проявился после открытия и полного исследования прекрасного по содержанию и информативности курганного могильника, оставленного местной военно-аристократической элитой у пос. Старый Мерчик на Харьковщине [19], выхода из печати монографии, посвященной материалам Песочинского курганного некрополя вблизи Харькова, раскопанного еще в конце 70-х гг. прошлого века [20]. Значительно расширилась источниковая база, необходимая для изучения данного вопроса, после новейших раскопок своеобразного курганного могильника у с. Гришковка в Змиевском районе Харьковской области [21].

В первую очередь отметим результаты изучения социальной структуры местного населения по данным 36 курганов Песочинского могильника, проведенного Л. И. Бабенко. В целом, его монография заслуживает всяческих похвал. Не менее удачным является и предложенный им вариант социальной реконструкции общественного устройства племен северскодонецкой группы памятников лесостепной скифоидной культуры [20, с. 172–183].

Используя данные о высоте курганной насыпи, площадь погребальной камеры, тип погребального сооружения (трудовые затраты), а также качественный состав погребального инвентаря, с учетом его функционального назначения, ему вполне аргументированно удалось выделить четыре социальные категории, к которым прижизненно принадлежали погребенные в этом могильнике. Он также обозначил и критерии, по которым они отождествлялись с тем или иным социальным слоем.

К высшей социальной верхушке (высшая аристократия, родовая знать), по его убеждению, принадлежали лицам, погребенным в курганах с высотой насыпи более 4 м и богатым набором престижного погребального инвентаря.

В число местной знати он отнес несколько курганов высотой от 2 до 3 м. От предыдущей группы она отличается меньшими размерами насыпи. В некоторых из них присутствуют предметы конного снаряжения и захоронения коней. По остальным критериям эта группа ничем не уступает курганам с большей насыпью. Примечательно, что в обеих этих группах покойники были размещены в деревянных склепах стобовой конструкции и ориентированы в меридианном направлении.

С захоронениями рядовых воинов (не всадников) Л. И. Бабенко отождествляет курганы, высота которых не превышает 1 м, а площадь их грунтовых ям колеблется от 2,4 до 5 кв. м. В нескольких курганах тела погребенных были размещены головой не в традиционной для могильника южной ориентировке — а на запад и на север. По мнению исследователя, значительная часть среди рядовых воинов составляли выходцы из иной этнической среды (наемники?). Во всех этих курганах представлен арсенал наступательного оружия.

Последнюю группу курганов составляют самые бедные погребения могильника. В некоторых случаях беднейшие слои населения могли принадлежать лицам, находившимся при жизни в разнообразных формах зависимости от местной аристократической верхушки.

Наконец, наиболее низкую ступеньку занимали рабы, для захоронения которых характерна социально зависимая поза по отношению к основному покойнику, а также мало- или безынвентарность погребений. Среди них будто-бы преобладают детские и подростковые захоронения.

Несколько меньше внимания уделил Л. И. Бабенко женским погребениям. Основной его вывод в отношении этой группы захоронений сводится к тому, что часть из них по социальному статусу могли соответствовать знати, т. е. быть женами или ближайшими родственницами аристократов и рядовых воинов.

Определенное внимание общественной организации местного населения уделил в своих двух монографиях и Д. С. Гречко. В первой из них, посвященной обобщающей характеристике местных памятников, социальную структуру северскодонецких племен

он рассматривал в контексте изучения организации у них военного дела [21, с. 107–108]. В его понимании она состояла из местной элиты (родовой знати); дружинников (тяжеловооруженных всадников и пехоты, представителей нижних слоев общества (легкой конницы и пехоты) и рядового населения (военное ополчение). Во второй монографии, написанной вскоре после завершения раскопок Гришковского могильника, он несколько изменил свой предыдущий вариант реконструкции. Теперь, в его изложении, общественная организация местных племен включает представителей аристократии, военной прослойки, свободных общинников и слуг [22, с. 86, 88].

Прежде чем перейти к изложению результатов наших исследований по данной проблеме применительно к населению северскодонецкой Лесостепи скифского периода, обратим внимание на значительное расширение базы данных, необходимой для пересмотра или уточнения выводов наших предшественников. В настоящее время в нашем распоряжении находятся сведения о 132 мужских и 12 женских захоронениях. Как известно, историко-археологическое познание в значительной степени зависит от конкретной источниковой базы, определяется ее характером, информативностью и объективностью. В нашем случае эти требования обеспечены надежными и достоверными данными, скрупулезно собранными многими исследователями и опубликованными в нескольких монографиях, статьях и сводах археологических источников.

Чтобы более глубоко проникнуть в понимание особенностей социальной структуры и путей ее формирования у племен, проживающих в данном регионе восточноевропейской Лесостепи, необходимо иметь общее представление об их хозяйственной деятельности и бытовых условиях.

Имеющиеся данные указывают на то, что основную массу северскодонецкого населения скифского периода можно отнести к хозяйственно культурному типу пашенных земледельцев лесостепной зоны умеренного пояса. Вторую составляющую в их хозяйственной деятельности представляет скотоводство, которое у лесостепных племен, ведущих оседлый образ жизни, преимущественно было пастушеским, основанным на использовании окрестных пастбищ и заготовке кормов для скота на зиму [23, с. 217–221]. Однако имеющиеся новые археологические данные [24; 27, с. 78–90] позволяют утверждать, что в IV в. до н. э. часть местных жителей относилась к подвижным скотоводам и вела полукочевой образ жизни. После открытия и исследования у с. Новоселовка на Харьковщине нового поселения, на котором исследовано около 20 наземных жилищ юртообразной конструкции без внутридомовых отопительных систем и крайне тонкий культурных слой (до 10 см) [25, с. 446–447], появилась возможность говорить о существовании в IV в. до н. э. и отгонной формы ведения скотоводства, связанной с сезонными перекочевками на небольшие расстояния от места постоянного проживания. Важную роль в экономике играли бронзолитейное и кузнечное ремесла, а также торговля в форме обмена, причем не только с ближайшими соседями, но и с весьма отдаленными центрами. Иные виды хозяйственной деятельности (охота, собирательство, рыбная ловля) заметной роли не играли. Основные предметы домашнего обихода местного населения делали сами из подручных материалов. Важно отметить и тот факт, что северскодонецкие племена были ближайшими соседями по отношению к степным кочевникам Северного Причерноморья, что обусловило необходимость постройки городищ и постоянной поддержки боевой мощи многочисленных общин.

Получение значимого результата в науке, как известно, в большей степени зависит от познавательных установок, от изначального (и осознанного) подхода к постановке проблемы и способу ее разработки. Поэтому, следуя этому универсальному алгоритму действий, мы поэтапно составили список диагностических признаков переменных с их количественными параметрами, все сведения о курганах занесли в матрицы исходных данных и обработали их такими мощными методами многомерного статического анализа, как факторный и кластерный. На завершающем этапе исследования была сделана попытка дать полученным результатам содержательную историко-социологическую и археологическую интерпретацию.

Список признаков включает данные не о высоте курганной насыпи, а об ее объеме, что минимизирует потерю информации о трудовых затратах. Это же было сделано и в отношении погребальных ям и склепов. Сложнее решается вопрос о перечне погребального инвентаря (овеществленный труд), где требуется учесть не только его качество, но и функциональное назначение.

Вычисленные нами объемы насыпей и могил по форме своего выражения представляют количественные признаки и выражены в куб. м. Предметы погребального инвентаря и материализованные проявления погребальной обрядности (помещение в могилу напутственной пищи) относятся к качественным, т. е. атрибутивным признакам, которые показывают лишь наличие определенных свойств и их сравнительную интенсивность. Поэтому необходимо было провести специальное измерение этих качественных признаков. Как правило, в математической статистике оно проводится по порядковой шкале. Принцип измерения здесь состоит в ранжировании объектов по тому или иному признаку. В таком случае это измерение показывает расположение объектов по интенсивности проявления в них определенного свойства, т. е. ранжирует их по принципу «больше-меньше». Таким путем происходит переход качественных оценок в количественные, что выражается в баллах.

Перечень диагностических признаков мы составили с учетом изображений на предметах скифской торевтики, каменных антропоморфных стелах и на некоторых сведениях из письменных источников (роль и место лука, котла, меча и т. п.). Всего мы задействовали 11 категорий погребального инвентаря: атрибуты власти (гривны, кубки, двуручные чаши, парадные мечи); золотые нашивные бляхи, конская узда, включая образцы звериного стиля и захоронение верховой лошади; колчан со стрелами; копьё и дротики; мечи; защитный доспех; котел; античная посуда (амфоры, килики, конфары); напутственная пища с железным ножом с костяной ручкой; местные лепные сосуды. Экспериментальным путем ранг каждой из этой категории был определен в виде однобальной системы, т. е. в присвоении каждой из них показателя по убывающей схеме на один ранг — от 11 баллов для атрибутов власти до 1 балла для лепных сосудов.

Далее с помощью компьютера были задействованы факторный и кластерный анализы. Первый из них позволил описать всю совокупность из отобранных 42 неограбленных или частично разрушенных подкурганых погребений двумя скрытыми обобщенными характеристиками. В нашем случае мы получили двухфакторную модель. Первый фактор, судя по статистическим нагрузкам каждого из 13 признаков, можно интерпретировать как трудовые затраты на сооружение погребального комплекса. Ведущую роль здесь играет объем погребной ямы/склепа. Именно от его размеров полностью зависит социальное положение членов местных общин. Из их числа наиболее богатыми были воины, обладавшие кроме прочих видов вооружения, копьями, дротиками и мечами. Напротив, оба фактора указывают на отсутствие какой-либо статистической зависимости лиц, погребенных с конской уздой, колчанным набором и защитным доспехом, по отношению к их имущественному достатку, но их социальный статус во многом также предопределяется трудозатратами. В целом, второй фактор можно обозначить как социальный (табл. 1).

В историко-социальных исследованиях классификация объектов является одной из важнейших задач науки вообще и археологической в частности. Традиционный метод построения классификации (типологии) сводится обычно к группировке изучаемых объектов на основе одного (или двух-трех) признаков, характеризующих эти объекты. Современный уровень развития методов многомерного количественного анализа и наличие компьютерной техники позволяют осуществлять классификацию на более широкой и более объективной основе — с учетом всех существенных структурно-типологических признаков и характера распределения объектов в заданной системе признаков. Одним из таких методов автоматической классификации является кластерный анализ. При этом ее результаты удобно изобразить в виде дерева иерархической структуры (дендрограммы) (табл. 2).

Tree Diagram for 42 Cases
Unweighted pair-group average
Euclidean distances

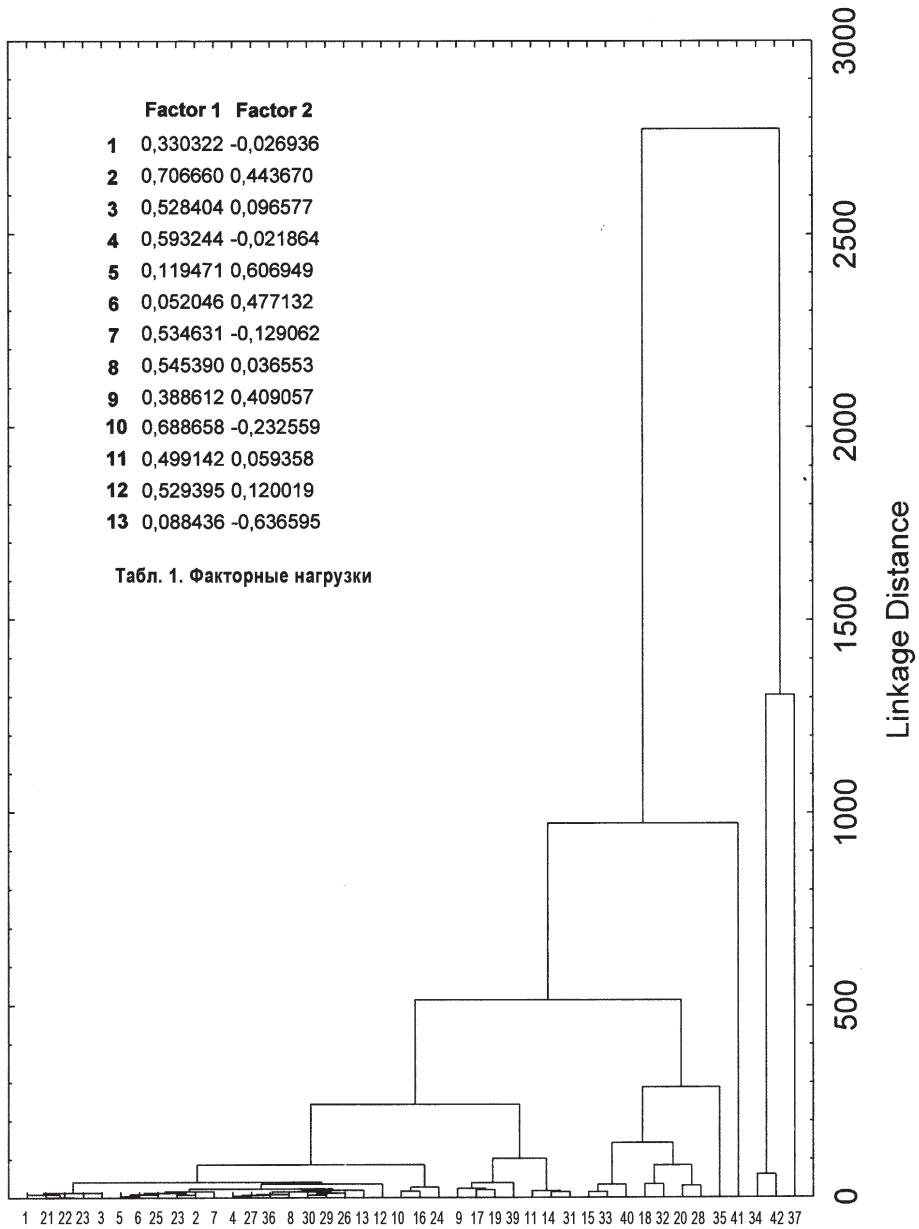

Табл. 1. Факторные нагрузки

Табл. 2. Дендрограмма

Первое, что бросается в глаза после ее изучения, это наличие в общественной среде местного населения сложной иерархической структуры. Во-вторых, группировку кластеров можно интерпретировать как сословия, включающие в свой состав разные по статусу социальные группы/слои.

Как верно замечено многими специалистами, какими бы ни были методы обработки материала, сами по себе они не могут интерпретировать полученные данные. Интерпретация — дело исследователя. Здесь значительную роль играют общие достижения в изучении культуры в целом, ее конкретных проявлений, в частности. Немаловажное значение имеет и субъективный фактор — интуиция исследователя.

На уровне интерпретации, вслед за Ю. Н. Бойко, мы выбрали сословный подход в реконструкции социальной структуры местного населения, сделав попытку соотнести выделенные сословия с варнами древнеиндийского общества без учета варны брахманов, т. к. в восточноевропейской Лесостепи никаких признаков существования в скифское время жрецов не обнаружено.

В итоге, авторы статьи выделяют сословие воинов — варну кшатриев (*санскр.* «повелитель»), из которой обычно выбирались цари (социальные показатели см. в табл. 3).

Дхарму кшатриев составляют защита слабых, водворение закона и порядка. Кшатрий обязан защищать любого, кто не в состоянии сам себя защитить (брахманов, стариков, детей, женщин, больных) и просят их о помощи. В традиционном подходе к интерпретации в это сословие входят цари, военно-племенная аристократия и всадничество (дружинники).

Таблица 3

Критерии социальной структуры

Сословия (варны), социальные слои	№ курганов по кластерам	Кол-во	Средний объем насыпи (м ³)	Средний объем погребения (м куб.)	Состав погребального инвентаря
1	2	3	4	5	6
«ЦАРИ»	34, 37, 42	3	2873	25	Конская узда, предметы из золота, колчан, копье, защитный доспех, деревянная чаша, котел, античная посуда
КШАТРИИ					
1) аристократия	15, 33, 40, 18, 32, 20, 28, 35, 41	9	578	21	Конская узда, колчан, копье, защитный доспех, парадный меч, кубок, двуручная чаша, нагайка, предметы из золота, гривна, амфора, котел, захоронение коня
2) всадничество	13, 12, 10, 24, 16, 29, 30, 26, 9, 17, 19, 39, 11, 14, 31	15	240	16	Конская узда, колчан, копье, защитный доспех, предметы из золота, амфора, котел
ВАЙШЬИ	2, 7, 23, 4, 27, 36, 8	7	42	6	Колчан, копье, (редко меч, амфора)

1	2	3	4	5	6
ШУДРЫ (?)	1, 3, 5, 6, 25	5	15	4	Колчан (в одном случае — копье)
РАБЫ	21, 22, 23	3	—	—	Один наконечник стрелы, один лепной горшок, без инвентаря

Примечание к нумерации курганов:

1 — Гришковка, 14; 2 — Гришковка, 22; 3 — Гришковка, 25/1; 4—Гришковка, 26/2; 5 — Гришковка, 34; 6 — Гришковка, 47/1; 7 — В. Гиевка, 3; 8 — Совнаркомовская, 1; 9 — Совнаркомовская, 2; 10 — Соломаховка, 19; 11 — Ст. Мерчик III, 3; 12 — Ст. Мерчик III, 4; 13 — Ст. Мерчик III, 6; 14 — Ст. Мерчик III, 10; 15 — Ст. Мерчик III, 11; 16 — Ст. Мерчик IV, 1; 17 — Ст. Мерчик IV, 3; 18 — Ст. Мерчик IV, 4; 19 — Ст. Мерчик II, 1; 20 — М. Рогозянка I, 2; 21 — М. Рогозянка I, 1/2; 22—М. Рогозянка I, 1/4; 23—М. Рогозянка II, 1/2; 24—Черемушное, 10; 25 — Черемушное, 16; 26 — Круглик, 1; 27 — могилки, 1; 28 — Протопоповка, 1; 29 — Протопоповка, 3; 30—Протопоповка, 5; 31 — Песочин, 2; 32 — Песочин, 5; 33 — Песочин, 6; 34 — Песочин, 7; 35 — Песочин, 9; 36 — Песочин, 16; 37 — Песочин, 18/1; 38 — Песочин, 20; 39 — Песочин, 25; 40 — Песочин, 32; 41 — Песочин, 33; 42 — В. Гомольша, 11.

Второе сословие можно приравнять к варне вайшьев (*санскр.* «преданность», «зависимость»), состоящей из земледельцев и торговцев. Другими словами, это были свободные рядовые общины с разным уровнем достатка.

Третье сословие свободных общинников — шудры (*санскр.* «чистые», «дважды рожденные»). В древнеиндийском обществе они составляли меньшинство жителей любой сельской местности. Основное занятие — земледелие. Признавали политическое господство кшатриев. Археологически их трудно идентифицировать. В структуре кластеров к ним можно отнести самые бедные захоронения с крайне малыми затратами при сооружении курганных комплексов.

Самую низшую социальную прослойку составляют рабы. Судя по всему, это были домашние рабы, принадлежавшие кшатриям. Их захоронения (всего 13) всегда сопровождают погребения богатых воинов-всадников и аристократов, находясь в ногах главного погребенного и с иной ориентировкой головой — на запад, север и восток. Последнее указывает на их иноэтничное происхождение. Все они приносились в жертву при совершении погребальных обрядов. При жизни рабы выполняли обязанности виночерпия, повара, входили в состав «царского» конвоя, на что указывает их расположение к соответствующим предметам в парных и коллективных погребениях.

Небезынтересно проследить процесс формирования описанной выше социальной структуры в хронологическом отношении, показать ее связь с представителями двух хозяйственно-культурных типов сложившихся в среде местного населения, и увязать, насколько это возможно, с конкретной этнической группой.

Самые первые погребения скифского периода в лесостепной части бассейна Северского Донца появляются в конце VII — начале VI вв. до н. э. и ранее были представлены только курганами у с. Караван. Практически все исследователи уверены в том, что погребенные в них лица относятся к этническим скифам, вернувшимся из переднеазиатских походов с множеством ценных трофеев. Другими словами, их а priori считают кочевниками. Эти памятники архаического периода можно дополнить погребением конного воина из кург. № 3 (раскопки 1994 г.) Люботинского могильника [19, с. 178, рис. 38], на которое мало кто обращал внимание. Данное

погребение совершено в подкурганном деревянном склепе столбовой конструкции, ориентированном в меридиальном направлении, как это зафиксировано в отношении Караванского кург. № 1. Судя по колчанному набору стрел, уздечной подвеске из когтя медведя с золотой обоймой и бронзовому браслету, этот курган бесспорно вписывается в хронологическую группу памятников типа гробницы № 2 кург. Репяховатая Могила.

Второй половиной VI в. до н. э. датируются погребения знатных воинов — кочевников, погребенных в курганах вдоль Муравского Шляха у сел Тетющино и Малая Рогозянка [26]. В первом из них могила имела вид большой и глубокой ямы овальной в плане формы объемом 165 куб. м, что имитирует катакомбу. Ориентированно по линии Север—Юг. На ее дне обнаружены останки человеческого скелета, наконечники стрел, железные панцирные пластинки, обломки двух амфор последней трети VI в. до н. э. и кости лошади. Примечательно, что материковый выкид был покрыт мощным слоем сосновых бревен, что является элементом идеологических представлений ираноязычных номадов [27, с. 46].

К VI в. до н. э. относится еще два подкурганых погребения с колчанными наборами на Люботинском и Черемушлянском могильниках [19].

Первой третью V в. до н. э. датируются погребения всадников с конской уздой, захоронением лошади в одной могиле с покойником и воинским снаряжением у сел Протопоповка и Коротич. Все они имеют меридиальную ориентировку [28, 29]. В значительно большем количестве курганы с кочевническими традициями и захоронениями воинов-всадников в данном регионе появляются в конце V в. до н. э. и существуют на протяжении всего IV в. до н. э., которые генетически связываются с более ранними местными погребальными памятниками. Именно в это время окончательно оформилась реконструированная нами социальная структура северскодо-нецких племен скифского периода. При этом мы признаем возможность включения в эту структуру конных воинов из Посулья в это же время.

По всем признакам кшатрии были представителями подвижных скотоводов (полукочевников лесостепной зоны). В пользу их родства со скифами свидетельствуют антропологические данные [24 с. 72–94], которые однозначно указывают на близость северскодонецкой краниологической серии к воинам-всадникам Посулья, медвинского и светловодской групп Днепроовского Правобережья, а также собственно скифам Северного Причерноморья.

По нашему мнению, этих полукочевников можно связать с меланхленами. Геродот указывал, что этот этнос представляет собой отдельное нескифское племя, но со скифскими нравами (обычаями). Тем не менее еще Гекатей Милетский относил их к группе скифских народов, т. е. ираноязычным племенам Восточной Европы [30, с. 299]. В. И. Абаев доказал, что само слово «меланхлены» является псевдоэтнонимом и в переводе с иранского звучит как «савдараты» («одетые в черное») [31].

В пользу племенной атрибуции полукочевого сословия конных воинов (варнакшатриев) косвенно могут служить некоторые сведения, почерпнутые из письменных источников. Первоначально меланхлены обитали на Северном Кавказе, где они упоминаются в перипле Псевдо Скилака по соседству с колхами и гелонами [32, с. 242]. Эти сведения отражают очень раннюю ситуацию и восходят к несохранившемуся сочинению логографа конца VI — начала V в. до н. э. Гекатея, который использовал данные более раннего труда Скилака. Исходя из этих догеродотовских источников, можно предположить, что меланхлены входили в скифский союз племен, в составе которого они принимали участие в переднеазиатских походах. Во времена Геродота они уже упоминаются между Днестром и Доном севернее скифов-царских.

В почетном декрете в честь ольвийского гражданина Протогена, относящегося ко второй половине III или к началу II в. до н. э. меланхлены под этнонимом савдараты

зафиксированы вблизи Ольвии [33, с. 420]. В «Землеописании» Присциана (V — нач. VI в. н. э.) этот народ упоминается в сарматское время в ином районе: «Отсюда (от Истра — Ю. Б.) живут свирепые германцы, воинственные сарматы, геты, потомство племени бастарнов, полчища даков, воинственные аланы, а также тавры... вблизи устья Меотиды». Выше их «рассыпаются быстрые наездники агавы и страшные луками народ меланхленов; за ним гиппемолги и могущественные гиппоподы, гелоны с неврами и разрисованные агафирсы» [30, с. 300]. В данном случае меланхлены занимают промежуточное место между таврами и скифами.

Еще раньше во втор. пол. IV в. н. э. в «описании земного круга» Рудий Фест Авиен, заимствовав данные из утраченных «историй» Саллюстия, оставил следующую запись: «эту реку (Данубий — Ю. Б.) ...занимает храбрый алан и скиф, обитатель берега таврийского; затем кочует вокруг свирепое племя меланхлеов. Ближайшая к ним земля невров, быстрые гелоны и агафирсы, всегда одетые в пестрые плащи» [30, с. 240]. В этом варианте меланхлены размещаются недалеко от Дуная рядом со скифами, но южнее невров, гелонов и агафирсов.

Имеющиеся археологические и письменные данные свидетельствуют об их подвижном образе жизни и об их непрерывном обитании в бассейне Северского Донца в качестве господствующего этно-социального образования на протяжении всего скифского периода, вплоть до гибели Великой Скифии на рубеже IV—III вв. до н. э. Скорее всего после этого события меланхлены перекочевали в степные районы Северного Причерноморья в район Ольвии и далее в сторону Дуная. В этом отношении очень важно отметить вывод С. В. Полина о переселении уцелевшего скифского населения из Нижнего Поднепровья в низовье Днестра, где они оставили Тираспольскую группу курганов III—II вв. до н. э. [34, с. 585–587].

Вопрос о происхождении и этнической атрибуции основной массы рядового оседлого населения — земледельцев и скотоводов северскодонецкой Лесостепи остается открытым. Ясно одно — по культуре оно стоит в одном ряду с Восточным укрепление Бельского городища на Ворскле и Басовским городищем на Суле. Антропологические данные пока не отличаются своей представительностью. Тем не менее Т. А. Рудич сочла возможным признать наличие в бассейнах Ворсклы и Сейма балтского этнического элемента, он же представлен в кург. № 2 Черемушьянского могильника [35, с. 74]. В кург. № 16 этого же некрополя были погребены мужчина и женщина, черепа которых резко отличаются от лесостепных и степных серий скифского периода [36, с. 278]. Сочетание северных европеоидов и южной ветви этой же расы отмечены у женщины из кург. № 2/1994 Бельского могильника «Б» [37, с. 14–21]. Археологические данные указывают на наличие в среде местных земледельцев и скотоводов выходцев из других регионов, чьи умершие родственники хоронились головой на север и восток. Это рядовое население было достаточно многочисленным. Возле Люботинского, Одринского, Великогомольшанского городищ и связанных с ними открытых селищ имеются крупные курганные могильники, насчитывающие не менее 2 тыс. насыпей с очень малой высотой и диаметром.

Завершая наше исследование, выскажем свое отношение к вопросу об уровне организации местного общества в позднескифский период. По мнению одних исследователей этот уровень принципиально не отличался от развития социальных отношений у кочевых скифов. Другие же ученые считают, что население Лесостепи в это время еще не достигло уровня классового образования. Авторы полностью присоединяются к первой из указанных гипотез.

Ключевые слова: скифы, Лесостепная Скифия, Северский Донец, социальная структура, раннеклассовое общество, кшатрии, вайшьи, шудры, рабы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Граков Б. А. Скифы. — М., 1971.
2. Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. — М., 1977.
3. Хазанов А. М. Социальная история скифов. — М., 1975.
4. Тереножкин А. И. Общественный строй скифов // Скифы и сарматы. — К., 1977.
5. Артамонов М. И. Общественный строй скифов // Вестник ЛГУ. — 1947. — № 9.
6. Артамонов М. И. Скифское царство // СА — 1972. — № 3.
7. Генинг В. Ф. Проблема социальной структуры общества кочевых скифов IV—III вв. до н. э. по археологическим данным // Ф. Энгельс и проблемы истории древних обществ. — К., 1984.
8. Рычков Н. А. Статистический анализ погребального обряда племен ямной культуры // Теория и методы археологических исследований. — К., 1982.
9. Бунятян Е. П. Методика социальной реконструкции по данным рядовых скифских могильников // Теория и методы археологических исследований. — К., 1982.
10. Генинг В. Ф., Бунятян Е. П., Пустовалов С. Ж., Рычков Н. А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). — К., 1990.
11. Бунятян Е. П. Методика социальных реконструкций в археологии (на материалах скифских могильников IV—III вв. до н. э.) — К., 1985.
12. Мозолевский Б. М. Товста Могила. — К., 1979.
13. Алексеев А. Ю. Скифские цари и «царские» курганы V—IV вв. до н. э. // ВДИ. — 1996. — № 3.
14. Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. // САИ. — 1967. — Вып. Д 1—4.
15. Буйнов Ю. В., Кузьменко А. С. Опыт применения многомерного анализа данных для реконструкции социальной структуры Среднего Приднепровья в VIII—VI вв. до н. э. // ВХУ. — 1985. — № 268.
16. Давня історія України. — К., 1998.
17. Бойко Ю. Н. Социальный состав населения бассейна р. Ворсклы в скифское время (VII—III вв. до н. э.). — Автореф. дис. канд. ист. наук. — М., 1986.
18. Березуцкий В. Д. Курганы скифского времени лесостепного Дона (к реконструкции социальных отношений). — Воронеж, 1995.
19. Бандуровский А. В., Буйнов Ю. В. Курганы скифского времени Северскодонецкий вариант. — К., 2000.
20. Бабенко Л. И. Песочинский курганный могильник скифского времени. — Х., 2005.
21. Гречко Д. С. Населення скіфського часу на Сіверському Дінці. — К., 2010.
22. Гречко Д. С., Шелехань А. В. Гришковский могильник скифов на Харьковщине. — К., 2012.
23. Шрамко Б. А. Господарство лісостепових племен на території України // УІЖ. — 1971. — № 1
24. Окатенко В. Н., Буйнов Ю. В. Курган з похованнями скіфського типу біля Старого Мерчика // Археологія. — 2010. — № 1.
25. Шрамко И. Б., Пеляшенко К. Ю., Задников С. А. Охранные раскопки поселения скифского времени у с. Новоселовка // АДУ 2011. — К., 2012.
26. Окатенко В. Н. Погребения кочевнического типа скифского времени вдоль лесостепного отрезка Муравского Шляха // ВХУ. — 2006. — Вып. 38.
27. Скорый С. А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи. — К., 2003.
28. Бабенко Л. Г. Курган зі скіфським похованням V ст. до н. е. поблизу СМТ Коротиц на Харківщині // Археологія. — 2009. — № 1.

29. *Бабенко А. І.* Поховальний обряд Протопопівського курганного могильника // *Древности*, 2009: Харьковский историко-археологический ежегодник. — X., 2009. — Вып. 8.
30. *Латышев В. В.* Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе // *ВДИ*. — 1947–1949. — № 1–4.
31. *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. — М.; Л., 1949.
32. *Псевдо-Скилак.* Описание моря, прилегающего к населенной Европе, Азии и Ливии // *ВДИ*. — 1947. — № 3.
33. *Крыжитский С. Д., Русяева А. С., Крапивина В. В. и др.* Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. — К., 1999.
34. *Бидзиля В. И., Полин С. В.* Скифский царский курган Гайманова Могила. — К., 2012.
35. *Рудич Т. О.* До питання про антропологічний склад населення лісостепової зони Лівобережної України у скіфську добу // Від киммерії до сарматії. — К., 2004.
36. *Бондаренко В. А., Буйнов Ю. В., Гречко Д. С.* Антропологические материалы из курганов скифского периода у с. Черемушное на Харьковщине // *ВХУ*. — 2007. — Вып. 39.
37. *Горбенко С. О.* Краніологічне дослідження та графічна реконструкція за черепом жінки з поховання скіфського часу Більського курганного могильника «Б» // *АЛЛУ*. — 2003. — № 1.
38. *Бабенко А. І.* Проблема поліетнічності сіверськодонецького населення у скіфську добу // *Древности Восточной Европы*. — X., 2011.

Резюме

Буйнов Ю. В., Окатенко В. Н. До питання про соціальний склад населення сіверськодонецького Лісостепу V—IV ст. до н. е.

Автори статті з метою проведення соціальної реконструкції населення сіверськодонецького регіону скіфського часу застосували факторний та кластерний аналізи даних про поховальний обряд. Отримані результати вказують на наявність у місцевих мешканців ранньокласових відносин. Соціальна структура складається з трьох соціальних станів, які гіпотетично наближаються до давньоіндійських варн, кшатріїв, на чолі з «царями», вайш'ів та шудр. Має місце існування домашнього рабства. В цілому можна стверджувати, що у своєму розвитку місцеве населення досягло рівня ранньокласового суспільства.

Наявні археологічні та писемні джерела дозволяють стверджувати, що кшатрії з'являються у регіоні ще в архаїчну добу і за етнічною ознакою могли належати меланхленам. Рядове осіле населення у своїй більшості могли відноситись до стародавніх балтів. Втім, в їхнє середовище входили й представники інших етнічних угруповань.

Ключові слова: скіфи, Лісостепова Скіфія, Сіверський Донець, соціальна структура, ранньокласове суспільство, кшатрії, вайш'ї, шудри, раби.

Summary

Yu. Bujnov, V. Okatenko. On the Social Composition of the Population Siverskodonetsk Forest V—IV Century. BC

Authors with the aim of social rehabilitation of the population area Siverskodonetsk Scythian applied factor and cluster analyzes data on burial ritual. The results indicate

the presence of local residents early class relations. Social structure consists of three social classes that are supposedly close to the ancient Indian varnas, Kshatriyas, led by the «kings», Vaisyas and Sudras. There is the existence of domestic slavery. In general we can say that in its development the local population has reached the level of early class society.

Available archaeological and written sources suggest that there are Kshatriyas in the region in the archaic days and ethnicity could belong melanhlenam. Ordinary settled population at large could be related to the ancient Balts. However, in their environment were also representatives of other ethnic groups.

Key words: Scythians, steppe Scythia, Seversky Donets, social structure, early class society, Kshatriyas, Vaisyas, Sudras, slav es.

